

Тургенев Иван Сергеевич

НОВЪ

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Новь: Роман / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 246 с.

ISBN 978-5-519-77940-1

ISBN 978-5-519-77940-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

XXIII.

Заря уже занималась на небѣ, когда въ ночь послѣ Голушкинскаго обѣда Соломинъ, бодро прошагавъ около пяти верстъ, постучался въ калитку высокаго забора, окружавшаго фабрику. Сторожъ тотчасъ впустилъ его — и въ сопровожденіи трёхъ цѣпныхъ овчарокъ, широко размахивавшихъ мохнатыми хвостами, съ почтительной заботливостью довелъ его до его флигеля. — Онъ видимо радовался благополучному возвращенію начальника.

— Какъ же это вы ночью, Василій Ѳедотычъ? Мы васъ ждали только завтра.

— Ничего, Гаврила, еще лучше ночью-то прогуляться.

Хорошія, хотя и не совсѣмъ обыкновенныя, отношенія существовали между Соломинымъ и фабричными: они уважали его какъ старшаго — и обходились съ нимъ какъ съ равнымъ, какъ со своимъ: только ужъ очень онъ былъ знающъ

въ ихъ глазахъ! — „Что Василій Ѳедотовъ ска-
залъ“ — толковали они — „ужъ это свято! по-
тому онъ всяку мудрость произошелъ — и нѣтъ
такого агличана, котораго онъ бы за поясъ не
заткнулъ!“ — Дѣйствительно: какой-то важный
англійскій мануфактуристъ посѣтилъ однажды
фабрику; и отъ того ли, что Соломинъ съ нимъ
по-англійски говорилъ — или онъ точно былъ
пораженъ его свѣдѣніями — только онъ все его
по плечу хлопалъ, и смѣялся, и звалъ его съ
собою въ Ливерпуль! — а фабричнымъ твердилъ
на своемъ ломаномъ языкѣ: „Караша оу васъ
эта! Оу! караша!“ — чему фабричные въ свою
очередь много смѣялись, не безъ гордости: „Вотъ
моль нашъ-то каковъ! Нашъ-то!“

И онъ точно былъ ихъ — и ихній.

На другое утро рано вошелъ къ Соломину
въ комнату его любимецъ, Павелъ; разбудилъ
его, подалъ ему умыться, кое-что рассказалъ,
кое-о чемъ спросилъ. Потомъ они вмѣстѣ
наскоро напились чаю — и Соломинъ, натащивъ
на себя свой замасленный сѣрый рабочій пид-
жакъ, отправился на фабрику — и завертѣлась
опять его жизнь, какъ большое маховое колесо.

Но ей была суждена новая остановка.

Дней пять спустя послѣ возвращенія Соло-

мина во-свояси, на дворъ фабрики вкатился красивый фаэтончикъ, запряженный четверней отличныхъ лошадей — и ливрейный, бѣло-гороховый лакей, введенный Павломъ во флигель, торжественно вручилъ Соломину письмо съ гербовою печатью — отъ „Его превосходительства Бориса Андреевича Сипягина“. — Въ этомъ письмѣ, пропитанномъ не духами — фи! — а какой-то необычайно-приличной англійской вонью, и писанномъ — хотъ и въ третьемъ лицѣ, — но не секретарской, а собственной генеральской рукою, просвѣщенный владѣлецъ села Аржаного, извинившись сперва, что обращается къ человѣку, лично ему незнакому — но о которомъ онъ, Сипягинъ, наслышанъ съ самой лестной стороны, — бралъ на себя „смѣлость“ пригласить къ себѣ въ деревню г-на Соломина, совѣты котораго могли быть чрезвычайно полезны для него, Сипягина, въ нѣкоторомъ значительномъ промышленномъ предпріятіи; и въ надеждѣ на любезное согласіе г-на Соломина — онъ, Сипягинъ, посылаетъ ему экипажъ. — Въ случаѣ же невозможности со стороны г-на Соломина отлучиться въ тотъ день, онъ, Сипягинъ, покорнѣйше проситъ г-на Соломина назначить ему другой, какой будетъ ему угодно — и тотъ же экипажъ

будетъ съ радостью предоставленъ имъ, Сипягнымъ, въ распоряженіе г-на Соломина. За симъ слѣдовали обычныя заявленія — а за ними щегольской, истинно-министерскій росчеркъ имени и фамилин, который, конечно, ни одинъ непосвященный не могъ бы никогда разобратъ. — Въ концѣ письма стояло *post-scriptum*, уже въ первомъ лицѣ: „Надѣюсь, что вы не откажетесь откушать у меня *запросто*, въ сюртукѣ“. — (Слово „запросто“ было подчеркнуто). — Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ бѣло-гороховый лакей съ нѣкоторымъ какъ-бы смущеніемъ подалъ Соломину простую, даже не запечатанную, а заклеенную записку отъ Нежданова, въ которой стояло только нѣсколько словъ: „Пріѣзжайте пожалуйста, вы здѣсь очень нужны — и можете быть очень полезны, — только, конечно, не г-ну Сипягину“.

Прочтя письмо Сипягина, Соломинъ подумалъ: „А какъ же мнѣ иначе ѣхать какъ не запросто; фрака-то у меня въ заводѣ нѣту... Да и на кой чортъ мнѣ туда таскаться... только время терять!“ — но пробѣжавъ записку Нежданова, онъ почесалъ у себя въ затылкѣ и подошелъ, въ нерѣшительности, къ окну.

— Какой же изволите отвѣтъ дать? — степенно спросилъ бѣло-гороховый лакей.

Соломинъ постоялъ еще немного у окна — и наконецъ, встряхнувъ волосами и проведя рукою по лбу — промолвилъ:

— Ёду. — Дайте мнѣ время одѣться.

Лакей благоприлично вышелъ, а Соломинъ велѣлъ позвать Павла, потолковалъ съ нимъ, сбѣгалъ еще разъ на фабрику — и, надѣвъ чѣрный сюртукъ съ очень длинной таліей, сшитый ему губернскимъ портнымъ, и нѣсколько порыжѣлый цилиндръ, немедленно придавшій его лицу деревянное выраженіе, сѣлъ въ фаэтончикъ — но вдругъ вспомнилъ, что не взялъ съ собой перчатокъ; кликнулъ „вездѣсущаго“ Павла — и тотъ принёсъ ему пару только-что вымытыхъ замшевыхъ бѣлыхъ перчатокъ, каждый палецъ которыхъ, расширенный къ концу, походилъ на бисквитъ. Соломинъ сунулъ перчатки въ карманъ и сказалъ, что можно ѣхать. Тогда лакей съ какой-то внезапной, совершенно ненужной отвагой, вскочилъ на козла — благовоспитанный кучеръ пискнулъ фальцетомъ — и лошади побѣжали.

Пока онѣ постепенно приближали Соломина къ имѣнію Спягина — этотъ государственный мужъ, сидя у себя въ гостиной, съ полуразрѣ-

занной политической брошюрой на колѣняхъ, бесѣдовалъ о немъ съ своей женой. Онъ повѣрялъ ей, что выписалъ его собственно за тѣмъ, чтобы попытаться, нельзя ли сманить его съ купеческой фабрики на свою собственную, такъ какъ она идетъ изъ рукъ вонъ плохо и нужны коренныя преобразованія! — На мысли, что Соломинъ откажется пріѣхать или даже назначить другой день, Спягинъ и останавливаться не хотѣлъ; хоть самъ же въ своемъ письмѣ къ Соломину предлагалъ ему выборъ дня.

— Да вѣдь фабрика у насъ писчебумажная, не прядильная, — замѣтила Валентина Михайловна.

— Все равно, душа моя: и тамъ машины — и здѣсь машины... а онъ — механикъ!

— Да вѣдь онъ, быть можетъ, спеціалистъ!

— Душа моя, во-первыхъ — на Руси нѣтъ спеціалистовъ; а во-вторыхъ — я повторяю тебѣ: — онъ механикъ!

Валентина Михайловна улыбнулась.

— Смотри, мой другъ: тебѣ уже разъ не посчастливилось съ молодыми людьми; какъ бы тебѣ во второй разъ не ошибиться!

— Это ты на счетъ Нежданова? — Но, мнѣ кажется, цѣли своей я все-таки достигъ: репе-

титоръ для Коли онъ хорошій. А потомъ, — ты знаешь: *non bis in idem*! Извини, пожалуйста, мой педантизмъ... Это значитъ, что двѣ вещи сразу не повторяются.

— Ты полагаешь? — А я такъ думаю, что все на свѣтѣ повторяется... особенно то, что въ натурѣ вещей... и особенно между молодыми людьми.

— *Que voulez vous dire?* — спросилъ Сипягинъ, округленнымъ жестомъ бросая брошюру на столъ.

— *Ouvrez les yeux — et vous verrez!* — отвѣтила ему Сипягина; по-французски они, конечно, говорили другъ другу: вы.

— Гмъ! — произнесъ Сипягинъ. — Это ты про студентика?

— Про г-на студента.

Гмъ! — развѣ у него тутъ... (онъ повертѣлъ рукою около лба)... что-нибудь завелось? А?

— Открой глаза!

— Маріанна? А? — (Второе: А? — было произнесено болѣе въ носъ, чѣмъ первое).

— Открой глаза, говорятъ тебѣ!

Сипягинъ нахмурилъ брови.

— Ну, это мы все разберемъ впоследствии.

— А теперь я хотѣлъ только одно сказать...

Этотъ Соломинъ, вѣроятно, будетъ нѣсколько конфузиться... ну, понятное дѣло, не привыкъ. — Такъ надо будетъ этакъ съ нимъ поласковѣе... чтобы не запугать. Я это не для тебя говорю; ты у меня — золото; и кого захочешь — мигомъ очаровать можешь. — *J'en sais quelque chose, madame!* — Я это говорю для другихъ; вотъ хоть бы для этого...

Онъ указалъ на модную сѣрую шляпу, стоявшую на этажеркѣ: эта шляпа принадлежала г. Калломѣйцеву, который съ утра находился въ Аржаномъ.

— *Il est très-cassant*, ты знаешь; очень ужъ онъ презираетъ народъ, что я весьма... весьма осуждаю! Къ тому же, я съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаю въ немъ какую-то раздражительность, придирчивость... Или его дѣла — *тамъ* — (Сипягинъ качнулъ куда-то — неопредѣленно — головою... но жена поняла его) — не подвигаются? А?

— Открой глаза... опять скажу я тебѣ.

Сипягинъ приподнялся.

— А? — (Это: „А?“ было уже совсѣмъ другого свойства и въ другомъ тонѣ... гораздо ниже). — Вотъ какъ?! — Какъ бы я ужъ ихъ тогда слишкомъ не открылъ!

— Это твое дѣло; — а на счетъ твоего новаго молодого — если онъ только пріѣдетъ сегодня — ты не безпокойся! будутъ приняты всѣ мѣры предосторожности.

И что же? Оказалось, что никакихъ мѣръ предосторожности вовсе не требовалось. — Соломинъ нисколько не сконфузился и не испугался. — Когда слуга доложилъ о немъ, Сипягинъ тотчасъ всталъ, промолвилъ громко, такъ чтобъ въ передней было слышно: „Проси! разумѣется, проси!“ направился къ двери гостиной и остановился вполоть передъ нею. Лишь только Соломинъ переступилъ порогъ, Сипягинъ, на котораго онъ едва не наткнулся, протянулъ ему обѣ руки и любезно осклабясь и пошатывая головою, радушно приговаривая — „вотъ какъ мило... съ вашей стороны... какъ я вамъ благодаренъ“ — подвелъ его къ Валентинѣ Михайловнѣ.

— Вотъ это жѣнка моя, — проговорилъ онъ, мягко нажимая своей ладонью спину Соломина — и какъ-бы надвигая его на Валентину Михайловну, — а вотъ, моя милая, нашъ первый здѣшній механикъ и фабрикантъ, Василій... Оеодосѣевичъ Соломинъ. — Сипягина приподнялась и красиво взмахнувъ снизу вверхъ своими чуде-

сными рѣсницами, сперва улыбнулась ему — добродушно — какъ знакомому; потомъ протянула ему свою ручку ладонью вверхъ, прижимая локоть къ стану и наклонивъ головку въ сторону ручки... словно просительница. Соломинъ далъ и мужу и женѣ продѣлать надъ нимъ всѣ ихнія штучки, пожалъ руку и ему и ей — и сѣлъ по первому приглашенію. Сипягинъ сталъ беспокоиться — не нужно ли ему чего? Но Соломинъ отвѣчалъ, что ничего ему не нужно, что онъ нисколько не усталъ съ дороги — и находится въ полномъ его распоряженіи.

— Такъ, что можно васъ попросить пожаловать на фабрику? — воскликнулъ Сипягинъ, какъ-бы совѣстясь и не смѣя вѣрить такой большой снисходительности со стороны гостя.

— Хоть сейчасъ, — отвѣчалъ Соломинъ.

— Ахъ, какой же вы обязательный! Прикажете дрожки заложить? — или, можетъ быть, вы желаете пѣшкомъ...

— Да вѣдь она, чай, недалеко отсюда, ваша фабрика?

— Съ полъ-версты, не больше!

— Такъ на что же экипажъ закладывать?

— Ну, такъ прекрасно. Человѣкъ, — шляпу